

Чтобы оценить расхождение между традициями древнего Рима и Эллады, нужно вспомнить произведение вроде знаменитого рельефа с Орфеем, Гермесом и Эвридикой, который историки греческого искусства связывают с именем великого греческого живописца V в. Полигнота. В нем представлено не столько определенное мгновение, сколько длительное состояние, в нем меньше, чем в римском рельефе, подробностей, но больше понимания целого, меньше прозаической зоркости, но больше музыкального чутья, и потому взаимоотношения между людьми выявлены во всем их многообразии. Словно подчиняясь разлучнику Гермесу, Эвридика склоняет голову, но вместе с тем ее фигура вместе с фигурой ее супруга Орфея образует замкнутую группу, их руки сплелись узлом, и в этом выражена их внутренняя близость. В фигуре Эвридики чувствуется и задумчивость, и порыв, и твердость, и колебания. Эти оттенки переживаний придают ее образу многогранность.²⁵

При всем различии сюжета и характера форм греческого рельефа и древнерусской иконы, в троицком «Сретении» ясно выражены основные принципы античной композиции. В сущности, и здесь все внимание сосредоточено не на внешних обстоятельствах происшествия, а на внутренних состояниях участников сцены. Мария, как и Эвридика, является центральной фигурой и отделена от других, но по своей осанке и по цвету одежды близка к Иосифу. Можно догадаться, что она пришла вместе с ним. Но, в отличие от Иосифа, она склоняет голову, как и Симеон, и составляет с ним одно целое. Образу Марии соответствует женственный образ выглядывающей из-за Симеона Анны, которая вместе с Иосифом обрамляет группу. Для того чтобы эти соответствия прозвучали как своеобразный диалог, необходимо было отказаться от частных: в этом оправдание силуэтности русской иконописи, напоминающей силуэтность греческой живописи эпохи классицизма. Правда, в русских иконах XV в., в частности в троицком «Сретении», фигуры менее пластичны и осязательны, человек еще не вышел в то время из-под власти трансцендентного. И все же примечательно, что наши мастера пользовались сходными композиционными формами, как и современники Полигнота. Недаром рельеф Орфей и Эвридика имеет много общего и с «Троицей» Рублева, в которой тоже мало внешнего действия и повествовательности, зато выпукло обрисовано состояние трех юношей, объединенных дружеской беседой.

²⁵ О рельефе Орфей, Гермес и Эвридика см.: L. Curtius. Interpretation von sechs griechischen Bildwerken. Berlin, 1947, стр. 84 и сл.